

«Не тебя, но Меня они отвергли»: Бог и царская власть в Библии»

М. Г. Селезнев¹

30 декабря 2020 г.

Приветствую нас всех на втором из серии семинаров, посвященных теме религиозной легитимации власти. Сегодняшняя наша тема – это «Бог и царская власть в Библии».

Как я уже говорил на прошлой встрече нашего семинара, наша задача – не просто в том, чтобы как-то рассмотреть какие-то отдельные точки в истории религиозных воззрений человечества, скажем, отдельно религию Древней Месопотамии, отдельно религию Библии, отдельно религию Греции, а в том, чтобы увидеть какую-то связь между ними, типологические сходства и разрывы.

Задачу своего сегодняшнего доклада я вижу не просто в том, чтобы нарисовать портрет библейской религии, а в том, чтобы его нарисовать на фоне предшествующих и окружающих культур как такое своего рода звено в

¹ О докладчике: Михаил Георгиевич Селезнев — доцент Института классического Востока и античности НИУ ВШЭ, академический руководитель образовательной программы "Библеистика и история древнего Израиля".

Семинар «Религия и власть»: <https://iocs.hse.ru/rp>

Фундаментальный проект Факультета гуманитарных наук НИУ ВШЭ: «Религии мира: традиции и тексты»: https://hum.hse.ru/proj/religious_stu...

Расшифровку выполнила С.К. Грант.

Создано при поддержке фонда "Гуманитарные исследования" ФГН НИУ «Высшая школа экономики», 2021-2022

истории религиозных воззрений человечества, подчеркивая моменты сходства и различия.

С одной стороны, безусловно, текст Ветхого Завета или Еврейской Библии (я буду оба выражения употреблять как взаимозаменяемые) тысячами нитей и корней уходит в мир Древнего Ближнего Востока. Но, тем не менее, различий с миром Древнего Ближнего Востока немало и очень важных, в том, что касается, скажем, статуса религиозного письменного текста, в том, что касается понимания богослужения... Возможно, что именно эти различия и позволили маленькому еврейскому народу сохранить свою идентичность. Потому что мы знаем, что десятки народов Древнего Ближнего Востока терпели поражения, теряли независимость, подвергались депортации, но только евреи смогли несмотря ни на что сохранить свою идентичность.

В прошлый раз Рим Маратович рассказывал про месопотамское общество и месопотамскую религию (*докладчик ссылается на доклад Нуруллина Рима Маратовича от 24.12.2020г. «Религия и власть в Древней Месопотамии»*). Это такой классический пример раннегосударственных социальных и религиозных институтов. И важнейшим звеном такой культуры является, как мы уже говорили, образ царя как гаранта социального и космического порядка, победителя соседей, хаоса, посредника между миром людей и богов. В Месопотамии отдельными исключениями, о которых Рим Маратович говорил, цари, хотя и были посредниками между миром людей и богов, но непосредственно на божественность не претендовали, но все равно царская власть представляла как главный принцип устройства мира и общества.

В других культурах Древнего Ближнего Востока, например, в Египте, царь – это земной Бог и сын Бога.

И вот на этом фоне релятивизация царской власти в Библии, ее подчас критика и осуждение – это столь же резкая грань между миром Библии и миром окружающих культур Древнего Ближнего Востока, как скажем, библейский монотеизм в противопоставление политеизму.

Начнем с того, что у нас в библейском тексте очень много, безусловно, текстов, которые прославляют Бога и прославляют царя и царскую власть.

Мы остановились на том, что в Ветхом Завете немало текстов, которые прославляют царей и царскую власть. Скажем, повествование о царе Давиде, восхищение его воинскими подвигами, его верностью богу Яхве. Или повествование о царе Соломоне. Я сейчас вывел на экран знаменитую сцену суда царя Соломона.

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ: УТВЕРЖДЕНИЕ И ПРОСЛАВЛЕНИЕ

Соломон на престоле

Хотя, как мы видим в повествованиях о Давиде и Соломоне тоже есть нюансы. Наиболее яркими памятниками, которые прославляют царскую власть, являются так называемые царские псалмы. Я прочту некоторые фрагменты этих псалмов в моем переводе, как и все остальные тексты, которые я сегодня буду цитировать.

Скажем, псалом 20-21 по еврейскому счету.

Яхве, Твоей силе радуется царь, ликует он о победе Твоей!

Ты исполнил желание сердца его, просьбу уст его не отверг.

Благословениями блага Ты встретил его, увенчал главу золотым венцом.

Он просил у Тебя жизни, и Ты ему дал долголетие во веки веков.

Ты возвеличил его славу победой Твоей, ниспослал ему сияние и блеск.

Благословением вечным Ты сделал его, дал пред лицом Твоим веселиться.

На Господа уповает царь, ибо милость Всевышнего не дрогнет.

Один из псалмов вот этой группы так называемых царских псалмов так и озаглавлен «О Соломоне».

Боже, даруй царю справедливость Свою, правосудие Твое сыну царей.

Пусть по правде судит он Твой народ и решит справедливо тяжбы нищих Твоих.

Пусть дождем он прольется на луг, ливнем землю оросит.

Пусть правит он от моря до моря, от реки до краев земли.

Пусть склонятся пред ним все цари, все народы пусть служат ему.

Надо сказать, что здесь еврейские глагольные формы иногда более двусмысленны, чем русские. Скажем, глагольная форма לְקַטֵּץ , которую я здесь перевожу желательной формой: «пусть праведник процветает», «пусть царь правит от моря до моря», «пусть склонятся пред ним все цари» – может быть передана и изъявительным наклонением, что делало бы текст еще более сильным: «он проливается дождем на луг», «правит от моря до моря», «склоняются перед ним все цари».

Эти образы и тексты, которые возвеличивают царя, естественно, находят себе ряд аналогов в других культурах Древнего Ближнего Востока. Скажем, тема того, как наш царь побеждает других царей, звучит в псалме втором.

Собрались земные цари, властелины вступили в сговор против Яхве и помазанника Его.

Потешается над ними Господь, в ярости Он им скажет, Своим гневом повергнет в ужас.

И далее идет прямая речь Бога:

«Это Я окропил царя Моего на Сионе, Моей святой горе».

И на смену приходит прямая речь царя:

«Я возведу решение Яхве.

Так Он сказал мне: «Ты Мой сын, Я сегодня родил тебя.

Проси – отдам народы тебе во власть, во владение тебе до краев земли.

Жезлом железным ты их сокрушишь, разобьешь, как глиняные горшки».

Вот здесь, в этом конкретном псалме «Бог сказал мне: "Ты Мой сын, Я сегодня родил тебя"» комментаторы отмечают влияние египетской царской образности, где боги возводят фараону: «Я твой отец, зачавший тебя». Примером может служить так называемый декрет Птаха Рамзесу II (XIII в до н.э.), где звучат слова: «Я твой Отец, который зачал тебя среди богов».

Недавно в журнале *Vetus Testamentum* была опубликована статья норвежского профессора Гарда Гранерёда (Gard Granerød), который предполагает еще большую степень близости данного псалма к египетской образности².

Слова, которые я перевел как «Это Я окропил царя Моего на Сионе, Моей святой горе», Гранерёд предлагает переводить «Это Я зачал семенем царя Моего на Сионе, Моей святой горе».

² Докладчик ссылается на статью Granerød, G. (2010). A Forgotten Reference to Divine Procreation? Psalm 2:6 in Light of Egyptian Royal Ideology, *Vetus Testamentum*, 60(3), 323-336. doi: <https://doi.org/10.1163/156853310X498980>

Не готов сейчас прямо оценивать эту гипотезу, но даже без нее параллели с соседними культурами в царских псалмах Библии достаточно сильны. Это одна струя, одна перспектива – тексты промонархические.

Наряду с этим видим вещи совершенно непредставимые в Египте или Месопотамии – критику не просто отдельных плохих царей, но критику самого института царской власти как такового.

Когда израильтяне просят пророка Самуила, чтобы Самуил не сам ими правил, а поставил над ними царя, то Бог говорит Самуилу: «Не тебя, но Меня они отвергли».

Особенно ярко эта антимонархическая идеология проявляется в известной притче Иофама из Книги Судей. Описывается первая, если следовать библейской хронологии, попытка установить монархию в Израиле. Авимелех, сын военного предводителя Еруббаала, убивает всех своих братьев-соперников, а жители города Шехема делают его царем. Единственный уцелевший из его братьев, поднявшись на гору, кричит оттуда жителям Шехема, кричит притчу.

⁸ Пошли как-то раз деревья поставить над собой царя.

«Царствуй над нами», – сказали они маслине.

⁹ Но маслина ответила: «Что же мне, забросить мое масло, которым чествуют богов и людей? Для того, чтобы мотаться над другими деревьями?»

¹⁰ «Иди, царствуй над нами ты», – сказали деревья смоковнице.

¹¹ Но смоковница ответила: «Что же мне, забросить мои сладкие плоды? Для того чтобы мотаться над другими деревьями?»

¹² «Иди, царствуй над нами ты», – сказали деревья виноградной лозе.

¹³ Но виноградная лоза ответила: «Что же мне, забросить мое вино, веселящее богов и людей? Для того чтобы возвыситься над другими деревьями?»

¹⁴ И сказали сии деревья терновому кусту: «Иди, царствуй над нами ты».

¹⁵ И терновник ответил: «Если вы и вправду делаете меня своим царем – то что ж, приходите и укройтесь в моей тени. А не сделаете меня царем – от терновника разгорится огонь, который уничтожит кедры ливанские!»

Конечно, потрясающая притча на все времена. Деревья, которые что-то умеют делать, отказываются от власти, чтобы не забросить из-за этого свое собственное дело. Соглашается стать царем бесполезный терновник, и тут же начинает угрожать. Как я понимаю, ни в Месопотамии, ни в Египте такую сатиру на царскую власть невозможно себе представить.

Но рассмотрим еврейскую историю сначала, какой ее видела еврейская традиция. Эту схему можно озаглавить «Основная история» (Primary History).

Бытие 12-50	Рассказы о праотцах еврейского народа
Исход	Рассказ об уходе евреев из Египта и заключении

Левит	Завета (Договора) с Богом
Числа	
Второзаконие	
Иисус Навин	Рассказ о завоевании Палестины
Книга Судей	Предания об истории евреев до установления царской власти ≈ 12-11 вв. до н.э.
1 Самуила	
(1 Царств)	Предания об установлении царской власти и о первых царях: Самуиле, Давиде и Соломоне, ≈ 10 вв. до н.э.
2 Самуила (2 Царств)	
1 Царей (3 Царств)	История еврейских царств с конца 10 в. до н.э. до падения Иерусалима (586 до н.э.) и «Вавилонского плена»
2 Царей (4 Царств)	

«Вавилонский плен» (586-539 до н.э.)

«Эпоха Второго Храма» (539 до н.э. - 70 н.э.)

В центре Библии находится уникальное историческое полотно. Такого связного исторического полотна не было ни у одного из соседних народов. Это центральный корпус книг еврейской Библии – Пятикнижие и примыкающие к нему непосредственно – в современной нам английской научной литературе этот корпус книг принято называть Primary History. Я бы предложил перевод на русский язык «Основная История».

Эта Основная История начинается Книгой Бытия, рассказывает о начале мира, человечества, начале еврейского народа. Она продолжается Книгами Исход, Левит, Чисел, Второзаконие. Рассказывают об исходе евреев из Египта,

договоре, который Бог заключил с ними на Синайской горе и дальше давал дополнительные условия договора. Она продолжается далее рассказом Книги Иисуса Навина про завоевание евреями Земли обетованной. Дальше идет Книга Судей – предание об истории евреев и установлении царской власти. Это Книга Судей и начало 1 Книги Царств. И дальше уже идут предания об установлении царской власти, о первых царях и истории еврейских царств с конца X в. до н.э. до падения Иерусалима.

То есть перед нами огромное и, действительно, очень связанное историческое полотно, которое охватывает период от Сотворения мира и до так называемого Вавилонского плена, который начинается в 586 г. до н.э., когда войска вавилонского царя Навуходоносора берут и сжигают Иерусалим. Население Иерусалима, по крайней мере, наиболее его зажиточная, образованная часть угнана, переселена в плен на другие территории Вавилонского царства, чтобы не повядно было бунтовать. Вавилонский плен длится несколько десятилетий. В 539 г. до н.э. после того, как Вавилонская держава пала, была завоевана персами, Вавилонскому плену наступает конец, евреи могут вернуться в Палестину. И начинается так называемая эпоха Второго Храма, которая длится с момента возвращения 539 г. до н.э. вплоть до взятия, разрушения, завоевания Иерусалима римлянами в 70 г. н.э.

Рассказы Библии про Вавилонский плен и эпоху Второго Храма более фрагментарны, но от сотворения мира до Вавилонского плена мы видим ясный рассказ, где одна книга буквально как бы подхватывает эстафету у другой книги.

В приведенной таблице желтым цветом выделено то, что современная библеистика рассматривает как своего рода *foundation myth*, в котором центральное место занимает спроецированная в прошлое утопия, такой идеальный или почти идеальный мир, в котором Бог через Моисея дает евреям закон, а евреи обязуются его соблюдать. И за это Бог через Иисуса Навина в Золотой или почти Золотой век авторы Основной Истории предлагают своим читателям как некую идеальную модель. Собственно, поэтому, я и раскрасил этот век, точнее говоря, соответствующие ему строчки золотым цветом в таблице.

Надо сказать, что соотношение этих нарративов про Золотой век израильской истории с реальной историей Древнего Ближнего Востока крайне проблематично. Я бы сказал, что бибейский рассказ о Всемирном потопе выглядит не более, но и не менее историчным, чем о Иисусе Навине.

Для нашего сегодняшнего доклада важно, что в эту эпоху, золотую эпоху, израильский народ возглавляется богоданными лидерами – Моисеем и Иисусом Навином, но не царями. То есть все важнейшие события израильской истории, связанные с началом народа – уход из Египта, договор с Богом, завоевание Земли обетованной – все это происходит до учреждения монархии.

Как я уже говорил, наш семинар задуман как сравнительный, в нем участвуют ученые, изучающие разные регионы, разные традиции, то у меня реально просто вопрос – есть ли еще традиции в тех государствах, где была царская власть, традиции о национальных истоках такие, где ведущую роль

занимали бы рассказы о домонархическом времени? Есть ли рассказы, традиции, где говорилось бы о сопротивлении вновь установленной монархической власти со стороны сторонников такого более эгалитарного государственного устройства? Было бы интересно от коллег услышать ответ.

В Книге Судей и Самуила то, что отметил здесь серым цветом, скорее всего, основаны на реальных преданиях о начальной эпохе существования еврейского этноса в Палестине, но, видимо, очень сильно отредактированных в ходе составления, записи и редактирования.

После того, как Бог заключает с израильтянами договор, и они завоевывают Палестину, Книга Судей описывает жизнь израильтян в завоеванной ими Палестине. Отдельными племенами или племенными образованиями правят военные вожди – шофеты. Собственно говоря, это причастие от глагола שופט – судить или править. То есть причастие «шофет» имеет два значения – судящий или правящий.

В повествовании о ранней истории Израиля адекватный перевод титула שופט был бы «правитель». Но утвердился еще со времен греческого перевода, так называемой «Септуагинты», другой перевод слова שופט - не «правитель», а «судья», на самом деле в контексте просто очень неточный. Так, Книгу Судей по-хорошему надо было бы называть «Книга Правителей». Имеется в виду правители, которые еще не имеют цену царей.

События Книги Судей и первых глав 1 Книги Царств тоже происходят до учреждения монархии. То есть во всем этом одиннадцатикнижном

историческом полотне семь с половиной книг посвящены доцарской эпохе, три с половиной книги посвящены царской эпохе. Только треть. Это совершеннейшее отличие от мира Древнего Ближнего Востока. Начиная с того, что вообще какая-то доцарская история тут есть. И не просто есть, она включает в себя важнейшие события.

В Египте, насколько я понимаю, согласно египетской традиции вообще не было доцарского времени. Первыми царями были боги, их сменили полубоги, затем – смертные представители тридцати династий.

В Месопотамии, если была какая-то память о доцарских временах, мы на прошлом семинаре говорили про это с Римом Маратовичем, это были какие-то дикие и жалкие.

Интересно, что в первом тысячелетии до нашей эры в Средиземноморье начинает формироваться полисная система. В этих полисах выборные магистраты приходят на смену царской власти. Но для тех исторических традиций, которые в этих полисах и республиках складываются, тоже исходной точкой является на заре истории царская власть.

В Афинах, согласно мифам, вначале правили цари, потом власть от царей переходит к пожизненным архонтам, потом архонты перестают быть пожизненными, затем возникает, благодаря реформам Солона и Клисфена, хорошо известная нам афинская демократия. Но предыстория, начало истории – это цари.

История Рима начинается с его основания Ромулом, который стал первым римским царем, дальше семь царей насчитывает римская

историография. В 510 г. до н.э. Тарквиния Гордого изгоняют и устанавливается республика.

История, скажем, Карфагена известна хуже, но, опять же, здесь мы видим то же самое историческое развитие. Вначале – царская власть, дальше от царской власти постепенно возникает какое-то управление, которое римские историки последних столетий существования независимой Карфагенской державы рисуют *[на записи неразборчиво]* как близкое к аналогичному римскому консулу, по-карфагенски звучало как «шүфет». Это то же самое слово, что библейские шофеты – правители-судьи. Дело в том, что пунический язык, на котором говорили в Карфагене – это диалект финикийского языка, достаточно близкого к древнееврейскому.

Для нас интересно то, что даже в этих нарративах установления республиканских форм правления, где нередко содержится, как в рассказе об изгнании Тарквиния Гордого, критика царской власти, все равно динамика идет от царской древности к послецарскому республиканскому периоду.

У нас здесь движение совершенно не похожее ни на это, ни на то, что мы видим в мире Древнего Ближнего Востока. Предание о том, как на смену некой такой большей эгалитарности общества, которая возглавляется временными военными вождями – шофетами, приходит царская власть.

Последним из этих шофетов, правителей или судей, Библия считает Самуила – судью и пророка. Под конец его правления, как пишет 1 Книга Царств, собрались все старейшины Израиля и сказали Самуилу: «Поставь над нами царя, чтоб он правил нами, как у прочих народов». Самуилу это не

понравилось, но Бог сказал ему: «Послушайся голоса народа во всем. Это не тебя они отвергли, но Меня, чтобы Я не царствовал над вами». Те самые слова, которые я вынес в заглавие нашего сегодняшнего семинара, моего сегодняшнего доклада.

И дальше Самуил обращается к израильтянам с такими словами: «Вот каким будет обычай или права царя, который будет царствовать над вами. Он заберет сыновей ваших и приставит к своим колесницам и конницам. Они будут бежать перед его колесницей, он поставит над ними тысячи начальников и пятидесяти начальников, заставит их обрабатывать его землю, убирать урожай, мастерить ему оружие и что нужно для колесниц. Он заберет дочерей ваших, чтоб они ему варили благовония, стряпали и пекли хлеб. Ваши лучшие поля, виноградники и оливковые сады он отберет и отдаст своим вельможам. От ваших посевов и виноградников десятую часть он заберет и отдаст своим царедворцам и вельможам. Ваших рабов и рабынь, ваших лучших юношей и ослов он заберет, чтобы использовать на своих работах. От вашего мелкого скота он заберет десятую часть и сами вы станете его рабами. И тогда возопите вы, что избрали себе царя, только Яхве в тот день ваши мольбы не услышит».

Это получается просто какой-то памфлет, антимонархическая пропаганда, причем существенно, что здесь, как и в притче Иофама, речь идет не о том, что тот или иной конкретный царь плох, а о самом принципе царской власти. Опять же, как и в случае с притчей Иофама, такой текст, боюсь,

немыслим у каких бы то ни было соседей Древнего Израиля, месопотамских или египетских.

Но народ не захотел послушаться Самуила и сказал: «Пусть будет над нами царь, чтобы он правил нами, возглавлял и вел нас на битву». Так начинается по Библии история израильской монархии. Если следовать каноническому порядку библейских текстов, то первый текст, говорящий про царскую власть в Израиле, – это так называемый Закон о царе, который вложен в Книге Второзаконие в уста Моисея, то есть по библейской хронологии задолго до появления израильской монархии.

«Когда вы придете в страну, которую даст вам Яхве, ваш Бог, – это 17 глава Книги Второзаконие, – и овладеете ей и поселитесь там и захотите подобно всем окрестным народам поставить над собою царя, то можете поставить царя, того, кого изберет Яхве или Бог. Делайте царем одного из братьев ваших, нельзя вручать власть чужаку, иноплеменнику». И дальше идут условия, так сказать, конституции.

«ЗАКОН О ЦАРЕ» (ВТОРОЗАКОНИЕ 17)

¹⁶ У царя не должно быть слишком много коней,

он не должен отправлять народ назад в Египет, чтобы иметь побольше коней...

¹⁷ У царя не должно быть слишком много жен, чтобы его сердце не уклонилось с правого пути.

У царя не должно быть чересчур много серебра и золота.

¹⁸ Когда он воссядет на царском престоле, пусть перепишет себе в свиток – у жрецов-левитов – копию этой Торы. ¹⁹ И пусть всю жизнь держит его при себе и читает – чтобы научился бояться ЯХВЕ, своего Бога, соблюдать и исполнять все предписания этой Торы, а также эти законы,

²⁰ чтобы сердце его не возносилось над братьями, не отклонялось от этих повелений ни вправо, ни влево, чтобы долго он пребывал на царстве среди Ихраиля – и сам, и потомки его.

Выражение «эта Тора» здесь, по-видимому, означает непосредственно Книгу Второзаконие.

Тоже текст любопытным образом ограничивающий власть царя, и тоже интересно было бы спросить у коллеги, которые занимаются темой царской власти в каких-то других регионах, насколько у нас бывают какие-то аналоги такому в других традициях.

Начиная с середины 1 Книги Царств и до середины 3 Книги Царств в фокусе повествования находятся три первых царя Израиля – Саул, Давид и Соломон. Здесь, опять же, как в истории с призванием, с провозглашением царской власти мы видим постоянное соперничество двух традиций, которые можно назвать промонархической и антимонархической.

Саул Богом призван и потом он отвергнут, в него вселяется злой дух от Бога, Бог обрекает его на поражение, на смерть.

Давид призван и благословлен, но в его жизнеописании встречаем явно негативные моменты, которые автор подчеркивает. Чего стоит один только рассказ, о том, как Давид велит привести к нему Вирсавию, по-еврейски Бат-Шебу, красавицу-жену одного из его полководцев. А когда она зачинает ребенка от Давида, убивает ее мужа, чтобы взять себе в жены. Убивает не прямо, а послав своему главнокомандующему инструкцию поставить ее мужа Урию в самое опасное место во время битвы и бросить его там, чтобы остался один на один с окружавшими его врагами. Урия убит, его жена, совершив траур, становится очередной женой Давида.

Дальше идет сценка достаточно важная для нас, для нашей темы. Приходит пророк Нафан и обличает Давида за свершенное им нечестие. Бог карает Давида смертью ребенка. Тема пророка, который обличает царя за нарушение нравственных норм, нам еще встретится. И тоже любопытно было бы знать, какие параллели такого рода вещам можем увидеть в других традициях.

Соломона библейский нарратив рисует как образцового царя. Бог дает ему «мудрость, обилие разума и обширный ум, как песок на берегу моря». Точно также, как последующая традиция считает Давида автором Псалтири, Соломон у нас – это мудрец *par excellence*, библейская традиция приписывает ему важнейшие из так называемых Книг мудрости – Притчи Соломона, Книгу Екклесиаста, Песни Песней Соломона. Соломон строит в Иерусалиме Храм для Яхве. Тоже важнейший момент в том, как Израиль видит себе свою историю. Произносит торжественную и очень благочестивую молитву при его

освящении. Можно вспомнить Псалом о Соломоне, который я в самом начале своего доклада цитировал. По этой картинке многие черты Соломона очень, конечно, близки стандартному древневосточному образу царя-благодетеля.

Вот как описывает автор Книг Царств величие Соломона. Я буду вам читать, а вы, кстати, не забывайте тем временем поглядывать на нашу виртуальную доску. Я цитирую Книги Царств.

«У Соломона было 40 000 лошадиных упряжек для колесниц, а сверх того еще конницы 12 000. Лошадей Соломону доставляли из Египта и из Киликии. Царские купцы покупали их в Киликии. Колесница, доставленная из Египта, обходилась в 600 шекелей серебра, а лошадь – по 150 шекелей.

При его правлении серебра в Иерусалиме было, что камней.

А кубки у царя Соломона были все золотые, и вся утварь Зала Ливанского Леса была из чистого золота, серебра не было во дворце, его во времена Соломона не ставили ни во что.

Ведь у царя были на море таршишские корабли, которые каждые три года привозили золото, серебро, слоновую кость, обезьян и павлинов.

Царь Соломон любил своих многочисленных жен-чужестранок; помимо дочери фараона у него были моавитянки, и аммонитянки, и эдомитянки, и сидонянки, и хеттиянки».

Я бы хотел задать вопрос нашей аудитории – как это соотносится с тем Законом о царе, который мы сейчас видим на доске? Это соотносится с точностью до наоборот. Совпадений слишком много. Одно из двух – либо автор нарратива о Соломоне уже знал так или иначе 17-ю главу Второзакония,

Правила о царе и писал панегирик, одновременно как бы держа фигу в кармане, потому что этот панегирик использует те самые образы, которые трактуются как негативные, как отрицательные в Пятикнижии Моисеевом. Либо что, может быть, более вероятно, наоборот, вложенный в уста Моисея в Книге Второзаконие Закон о царе отталкивается от каких-то, может быть не непосредственно от этого нарратива о царе Соломоне, но от каких-то нарративов о том, какие были цари в древности, чтобы задним числом эти величайшие цари Израиля оказались нарушителями Моисеевой конституции.

У Соломона, как мы только что слышали, было много иностранных жен, и он в полном соответствии с предостережениями Моисеевой конституции, уклонился от правого пути и стал строить храмы чужим богам. Яхве гневается на Соломона и возвещает ему, что единое еврейское царство разделится. После смерти Соломона израильтяне приходят к его наследнику Ровоаму и говорят:

«Твой отец придавил нас тяжким ярмом, облегчи ту тяжкую работу, что мы выполняли для твоего отца, облегчи тяжелое ярмо, что он наложил на нас – и мы будем служить тебе».

Старейшины ему советовали послушаться народа, но молодые люди, которые выросли вместе с Ровоамом, наследником Соломона, сказали ему:

«Вот что ответь этому народу, который жалуется, «твой отец наложил на нас тяжелое ярмо, так облегчи его».

Отвечай им так: «Мои яйца потолще отцовских ляшек. Ярмо отца было для вас тяжелым? Мое будет еще тяжелее. Отец порол вас плетьюми? Я буду бить вас кнутами».

Ровоам так и отвечает народу, опустив правда наиболее обценную часть совета молодых людей и происходит разделение царства на Северное и Южное.

В Книгах Царств ни один царь Израиля – Северного еврейского царства – не заслуживает доброго слова. Стандартная стереотипная оценка, которая в этих книгах сопровождает упоминание каждого израильского царя, звучит так: «Он творил дела, ненавистные Господу». Отзывы о царях Иудеи несколько лучше, но и они, как правило, заслуживают упреков за то, что не упразднили «капища» במִזְבֵּחַ, в стандартном русском переводе, в синодальном переводе – «высоты».

Более-менее положительную оценку историка заслуживают лишь несколько царей за четыре с лишним столетия – Давид, Иезикия, Иосия. А последние цари Иудеи характеризуются, опять же, стандартной историотипной формулой «Его дела были также неугодны Господу, как и дела его отцов».

Оценки эти мотивируются тем, что цари не следуют религиозным предписаниям Пятикнижия. Однако же в некоторых историях, скажем, о конфликте пророков с царями выходит на первый план принцип социальной справедливости. Так, например, пророк Илия обличает израильского царя Ахава за то, что тот наряду с поклонением Яхве допускает поклонение Ваалу. Но тот же Илия обличает того же Ахава еще и за историю с виноградником Навуфея.

У Навуфея в царском городе Израиля был виноградник.

«Отдай мне виноградник, – сказал Ахав Навуфею. – Он рядом с моим дворцом, я устрою там сад, а тебе дам взамен виноградник еще лучше. Или, если хочешь, заплачу, сколько он стоит.

Навуфей отвечает: «Упаси меня Господь. Я не отдам тебе наследственный надел моих предков»

Очень важное выражение לָאֲבוֹתַי לִּי, то есть то, что я унаследовал от моих отцов, то, что, вообще говоря, по, видимо, обычному праву является неотчуждаемым. После отрицательного ответа со стороны Навуфея Иезавель, жена царя, велит старейшинам города найти двух лжесвидетелей, которые

объявляют, что Навуфей хулил Бога и царя. Навуфея забили камнями насмерть, а виноградник отошел туда, куда должен был отойти, то есть царю.

В данном случае налицо конфликт обычного права архаичного общества, где наследие отцов неотчуждаемо, и претензии царя на неограниченную власть над подданными и их собственностью.

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ: ОБЛИЧЕНИЕ И ОТРИЦАНИЕ

(пророк Илия, царь Ахав и царица Иезавель)

И вот мы видим иллюстрацию «Илия обличает Ахава и Иезавель».

«Так говорит Господь: «Убил, а теперь получаешь наследство?». Так говорит Яхве: «На том самом месте, где псы лизали кровь Навуфея, будут они лизать твою собственную кровь».

Вот та самая сценка, которая изображена на нашей картинке.

Можно вспомнить также пророка Нафана, который обличает Давида за историю с Вирсавией и ее мужем Урией, как мы уже говорили. То есть пророки в Книгах Царств обличают царей, прежде всего, за религиозную неверность Богу Яхве, но также и за вопиющие нарушения социальной справедливости. Отметим здесь одну деталь. Вот эта парочка – царь Ахав и царица Иезавель – это самая ненавистная царская пара для автора Книги Царств, это антигерои из антигероев. Но при этом Иезавель – это дочь царя сидонского.

Историки, которые считают, что развитие израильского общества шло от более эгалитарных форм к более абсолютистским, выдвигают предположение, что именно брак с Иезавелью стал важным шагом к абсолютизму. Евреи в их становящейся монархии, становящейся бюрократии заимствуют какие-то образцы и модели того, как должен себя вести настоящий царь, который уже забыл про какое-то эгалитарное прошлое, заимствуют образцы у соседних народов, в частности, через браки с дочерьми финикийских царей.

Рассказы о пророках в Книге Царств были отредактированы, а, может быть, и написаны тогда, когда завершилось написание Основной Истории, то есть где-то в эпоху плена или, может быть, первое время после плена. Но схожие истории мы встречаем и в собственно пророческих книгах, текст которых с большей вероятностью восходит к эпохе самих пророков.

Скажем, очень остро звучат нотки обличения социальной несправедливости в Книге пророка Амоса. «Вы попираете бедного, берете от него взятки». И за этим следуют угрозы, что Бог покарает тех, кто так поступает.

Обличение социальной несправедливости Амоса и других пророков чаще всего адресованы не конкретно царям, а просто богачам, они образуют, мне кажется, очень важный фон для таких историй как история Нафана или история Илии. То есть тема противостояния социальной несправедливости, в частности притязаниям царей, она проходит сквозь многие пророческие тексты Ветхого Завета красной нитью.

О конфликте пророка и государственной религии, если можно так выразиться, говорит 7-я глава Книги Амоса. Амос пророчествует в царском святилище Бет-Эле (Вефиле) против израильского царя. Пророчествует, что «от меча умрет царь Иеровоам, а народ Израиля будет выведен пленным из земли своей». И тогда Амосия, священник храма в Вефиле, царского храма, как он сам говорит, доносит царю Иеровоаму: «Амос производит возмущение против тебя среди дома израилевых. Земля не может терпеть слов его». И говорит Амосу: «Провидец, пойд и удались в землю Иудину (то есть в соседнее царство), здесь не пророчествуй, а пророчествуй там, потому что город Вефиль – это царское святилище и дом царский המקדש המלכותי ובית המלך».

То есть претензия со стороны царя здесь высказывается на то, что он является также и распорядителем религиозной жизни своей страны: «Это царское святилище, царский храм». Амос вещает: «Я не пророк и не сын пророка, – то есть я не отношусь каким-либо образом к числу институционализированных религиозных функционеров, – я был пастух и собирал сикоморы, Господь взял меня от овец и сказал: «Иди пророчествуй к

народу моему Израилю». И повторяет свое пророчество, добавляя к тому же еще и пару слов насчет того, что ждет самого Амосию.

То, что мы сейчас пока что посмотрели, вроде бы выстраивается в такую ясную и по-своему логическую картинку.

С одной стороны у нас память об относительно эгалитарном прошлом, когда социальное расслоение было еще относительно небольшим, а власть военных предводителей, временных шофетов была ограничена. С другой стороны – становление, так сказать, нормального древневосточного государства с высокой степенью социальной дифференциации, с царской властью, которая считает себя вправе отменять любые нравственные порядки, традиционные институты, скажем, институт брака, как в случае с Давидом и Урией-хеттом, институт наследственного владения, как в случае с Ахавом и Навуфеем. Вот эти две как бы памяти, традиции, две перспективы отразились в Библии с ее контрастом между промонархическими и антимонархическими текстами.

Катализатором становления более иерархизированного и стратифицированного общества являются примеры соседей, как мы это видели, скажем, на примере Иезавели. Пророки, выступающие за чистоту [*на записи неразборчиво*], выступают также защитниками более эгалитарного строя против абсолютистских притязаний царской власти. То есть пророческая традиция некоторым образом коренится в доцарской эпохе. Именно доцарской эпохи, таким образом, при таком видении истории

Древнего Израиля отводится особая роль. Она как бы является одним из важнейших отличий истории Израиля от истории соседних народов.

В этом отношении характерна довольно влиятельная в свое время монография Нормана Готвальда «Племена Яхве» с подзаголовком – подзаголовок многого стоит – «Социология религии освобожденного Израиля, 1250-1050 гг. до н.э.» (*The Tribes of Yahweh: A Sociology of the Religion of Liberated Israel, 1250-1050 B.C.E. by Norman K. Gottwald*). 1250-1050 – так Готвальд условно датирует то, что мы выше назвали эпохой судей, шофетов. Для Готвальда и некоторых других представителей такой линии интерпретации израильской истории «освобожденный Израиль» этого времени – это некий такой Золотой век Израиля, и, даже больше того, Золотой век человечества, идеал не только для еврейских пророков, но и для нас на все времена.

Характерно посвящение книги Готвальда. Оно меня очень поразило, когда я впервые увидел, это была одна из немногих книг по библеистике, которые можно было достать в советских библиотеках в эпоху глубокого и глухого застоя начала 80-х годов XX в. Сейчас станет понятно, почему. Посвящение книги «Памяти и чести первых израильтян», дальше идет цитата. Цитата из, как написано, «анонимного текста, посвященного борющемуся народу Вьетнама». «Представьте их себе смеющимися, поющими, любящими свой народ и всех людей, для кого любовь превыше силы». И после этого: «сочетая любовь с силой, которая нужна, чтобы разрушить силу без любви». Одновременно получается, что книга посвящена «Чести и памяти первых

израильтян», а также борющемуся народу Вьетнама. Это 1979 год, Вьетнамская война завершилась всего несколько лет назад, левые настроения распространены в США и в Европе.

Не мое дело сейчас говорить о левых настроениях в Европе 70-х годов и об их влиянии на интерпретацию самых различных исторических феноменов, хотя это, конечно, очень интересно для человека. Для человека свойственно искать в прошлом Золотой век, какую-то модель для подражания. В крайнем случае, реконструировать ее или выдумывать.

В этом отношении меня поразило то, что Готвальд не так сильно отличается от того, как историки реконструируют поведение, идеологию, модель обращения с историей библейских авторов.

Так вот, с точки зрения филолога в этой модели соперничества двух парадигм – есть одна изначальная эгалитарная парадигма, образцом которой является доцарский Израиль, и продолжателем которой являются библейские пророки, и более поздняя монархическая парадигма, заимствованная у соседних народов Древнего Ближнего Востока, – в этой модели соперничества двух парадигм есть один изъян. Дело в том, что библейский текст дошел до нас в том виде, в каком он сформировался столетия спустя после описанных в нем событий. С некоторой точки зрения исследователь, скажем, месопотамской или египетской культур могут завидовать нам, библеистам, что у нас есть такой замечательный обширный связный корпус текстов. Но другой точки зрения это мы должны им завидовать, потому что у исследователей эпохи Ура 3-ей Династии есть десятки тысяч табличек этого

времени, у исследователей эпохи Хаммурапи есть подлинные таблички этого времени, стела с законами Хаммурапи, которая была изготовлена при его жизни, и так далее.

А у нас наши библейские тексты, физически дошедшие до нас манускрипты, древнейшие из них – это рукописи Мертвого моря, которые написаны столетия спустя после описываемых событий и явно отражают в себе очень большую, очень сложную историю переписывания в разнообразных традициях, контаминации, редактирования и т. д. За пределом Библии очень небольшой корпус полиграфических памятников, совершенно несопоставимый с тем, что до нас доходит из соседних культур, и практически нет памятников изобразительного искусства. Я бы хотел проиллюстрировать то, что сегодня говорю какими-нибудь древними артефактами – такое может позволить себе только специалист по истории Древней Месопотамии или Египта, у него будет огромный выбор древних артефактов – а у нас такого нет, приходится иллюстрировать гравюрами, которые нарисованы столетия спустя.

Так вот, библейская Primary History, как мы говорили, Основная История была написана или отредактирована уже достаточно поздно. Отражая предания царского и доцарского периода, тексты этой Primary History преломляют их через призму уже тех проблем и того мировоззрения, что было характерно для иерусалимской храмово-городской общины персидского времени, то есть начала эпохи Второго Храма. В это время в Иерусалиме на руинах иудейского Храма складывается храмово-городская община, которая

мыслила себя как теократия. Ее часто называют общиной Второго Храма. Во главе общины стоял первосвященник.

Так было вплоть до хасмонейского времени, когда в 104-103 г. до н.э. – время краткого правления первосвященника Аристобула, одного из представителей хасмонейской династии первосвященников, который впервые добавил к титулу первосвященника титул βασιλεύς (царь) – вот в этой теократии, которая существовала в иерусалимской храмово-городской общине, начиная с возвращения из Вавилонского плена в конце VI в. до н.э. по конец II в. до н.э., то есть несколько столетий, в этой теократии память о царствах Израиля и Иудеи была крайне негативной. Те негативные оценки, которые я упоминал, которые даются в Книгах Царств израильским и иудейским монархам, они явно несовременны самим этим монархам. У всех этих оценок один язык, единая стилистика и одна рука, которую принято соотносить с так называемой девтерономической редакцией Книги Царств. В этих девтерономических вставках цари Древнего Израиля и Иудеи обличаются за нарушение тех религиозных предписаний, которых, по-видимому, даже в их время и сформулировано еще не было. То есть иерусалимская теократия или иерократия во главе с первосвященником себя утверждает в отталкивании от предшествующей царской эпохи. Золотым веком становится легендарная эпоха Моисея, и на эту эпоху, как я уже говорил, проецируется идеальная модель теократического устройства общины. Словно бы перепрыгивая через времена царей иерусалимская теократия Второго Храма легитимирует себя через свой собственный прообраз, которым становится эпоха Моисея. Книги

Исход, Левит, Числа, Второзаконие рисуют нам это идеальное состояние еврейского общества.

Иерусалимская теократия или иерократия Второго Храма возглавляется первосвященником, его прообраз – первосвященник Аарон, брат Моисея, легендарный прародитель всех будущих еврейских первосвященников.

Его положение подчеркивается особой ритуальной одеждой, он один имеет право входить в святая святых древнееврейского святилища, но в то же самое время – в повествованиях Пятикнижия это очень ясно видно – он занимает подчиненное положение по отношению к Моисею. Вот мы видим, как Моисей облачает Аарона во священнические одежды.

ТЕОКРАТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

(Моисей и первосвященник Аарон)

Видимо, надо понимать, что эти два героя, если можно так выразиться, этого нарратива про Исход, заключения завета с Богом и странствование по

пустыне, имеют некоторое символическое значение. Аарон – это олицетворение священнического, жреческого сословия, а Моисей – олицетворение Торы. Власть первосвященника ограничена законами Торы. Гравюра, которую вы видите, эту идею очень хорошо передает.

Теократический идеал, естественно, исключает саму должность царя. И мы видим тому несколько подтверждений в библейских переводах или во внебиблейской литературе того времени. Интересно, скажем, как в переводе Пятикнижия на греческий язык (III в. до н.э.) передается слово מֶלֶךְ (мелех) – царь. Иноземные цари всегда на греческие переводятся как «βασιλεύς» (царь). Вот еврейские цари, по еврейски они называются מְלָכִים (мелехим), то есть цари, но они тоже переводятся на греческий язык словом «βασιλεύς» тогда, когда речь идет о древности, скажем, о временах Авраама, о временах царей, которые правили в Израиле после того, как установилась царская власть в Эдоме, в пророчествах, где говорится, что потомки Авраама и Иакова будут царями, видимо, речь идет, по крайней мере, понималось переводчиками как отсылка к династии Давида. Но тогда, когда еврейское слово מֶלֶךְ (царь) встречается в Пятикнижии в контексте закона, который релевантен для эпохи перевода, оно передается не как βασιλεύς, (царь), а просто как правитель, ἄρχων. Точно также не как βασιλεύς, а как ἄρχων передается еврейское слово «царь» в контексте пророчеств, исполнение которых, по крайней мере, с точки зрения эпохи перевода, должно быть отнесено к настоящему или будущему времени. Это очень последовательная разница между двумя разными способами перевода одного и того же еврейского слова на греческий.

За этим явным образом стоит такое видение, что у других наций могут быть цари, у евреев в прошлом тоже были цари βασιλεύς, но сейчас во время перевода в Израиле нет царей и в будущем их не будет, могут быть только правители ἄρχων. Вот представление об идеальном иудейском обществе как о теократии у нас очень хорошо представлено в тексте Иосифа Флавия, который даже вынесен на анонс сегодняшней встречи.

«Хотя обычаи и законы у всего человеческого рода имеют бесчисленные расхождения в деталях, в целом можно так сказать: одни вручили власть над обществами монархиям, другие – правлению немногих, а третьи – толпам. Наш же Законодатель, ни к чему из этого списка не склонный, сделал наше общество – если можно так выразиться, насилуя язык, – теократией, вручив Богу начальство и власть».

Это, кстати, вообще первый текст в человеческой истории, в котором фигурирует слово «теократия». Иосиф, можно сказать, на наших глазах его создает по образцу хорошо знакомых ему греческих слов «аристократия», «демократия» и т. д. Причем Иосиф понимает, что создает новое слово, а он как человек негреческого происхождения явно очень гордится тем, что пишет на хорошем греческом языке. Здесь ему приходится употреблять слово, которого в греческом языке нет, он его впервые придумывает и даже считает необходимым извиниться перед читателем: «Законодатель... сделал наше общество – если можно так выразиться, насилуя язык, – теократией, вручив Богу начальство и власть.» Этому неологизму, отчеканенному Иосифом, суждена была долгая жизнь.

Поразительно, на самом деле, что Иосиф прекрасно знает еврейскую историю, он ее описывает в своих «Иудейских древностях», там будут повествования о Давиде и Соломоне, он будет превозносить Давида и Соломона, и, все же для Иосифа, по крайней мере, в ту пору его жизни, когда он писал свое сочинение «Против Апиона», которое я сейчас процитировал, идеал – это именно теократия.

Еще несколько интересных моментов этого времени тоже подчеркивают, насколько именно идея теократии, а не царского правления, была характерна для иудейского самовосприятия, восприятия собственной истории в эпоху Второго Храма. Греческий историк Гекатей Абдерский, который, видимо, общался с евреями, с иудеями, и пишет свою историю, основываясь на опросе свидетелей, он пишет: «У иудеев никогда не было царя, а власть над народом всегда отдана тому из священников, который считается наиболее выдающимся по мудрости и добродетели. Они называют его первосвященником и считают, что он является для них вестником Божьих повелений».

Несомненно, что те иудеи, от которых Гекатей когда-то пытался почерпнуть познания об иудейской истории, как минимум, знали еврейские легенды о царях Давиде и Соломоне. Вот, видимо, теократический идеал, обрисованный в Пятикнижии, и воплощенный в после пленной иерусалимской общине, занимал первое место, оттесняя эти легенды в сторону.

В еще чуть более позднее время можно вспомнить начало самого известного трактата Мишны «פרקי אבות». Моисей получил Закон на Синае, передал его Иисусу Навину, Иисус Навин – старейшинам, старейшины –

пророкам, а пророки передали его мужам Великого собрания, это уже имеются в виду духовные лидеры эпохи Второго Храма. А где здесь цари? В этой исторической теме их нет, и они здесь просто-напросто не нужны.

Но вот теперь, зная про иерусалимскую теократию эпохи Второго Храма, вновь посмотрим на нашу схемку.

Мы с одной стороны рисовали эгалитарные традиции раннего Израиля, которые также отражаются в повествованиях о противостоянии пророков царям, с другой стороны – монархические тексты, Книга Царств и псалмы, которые прославляют царей и царскую власть.

Возникает вопрос – не могла ли ситуация эпохи Второго Храма повлиять на то, как в Библии описано становление царской власти в Израиле? Ведь, как я только что говорил, у нас все те тексты, о которых мы говорим, тексты, на основании которых мы реконструировали вот это противостояние промонархических и антимонархических тенденций на заре еврейской истории, мы эти тексты видим внутри того, что я назвал Primary History, Основная История, а она уже каким-то образом дописывается или, по крайней мере, редактируется в эпоху Второго Храма.

Вспомним еще раз про переход от домонархического к монархическому периоду в истории Израиля. Ключевой здесь является фигура Самуила. Он одновременно и пророк, и судья-шофет, и священник, поскольку приносит жертвы, он – идеальное воплощение теократии. Именно у него израильтяне требуют поставить им царя по образцу прочих народов и именно ему Бог говорит, что, отвергая теократию, евреи не Самуила отвергают, но Меня, Бога

отвергают. Не окрашен ли этот нарратив о переходе от теократии к царскому правлению идеологией эпохи Второго Храма?

Это вопрос очень серьезный. И у нас есть две противоположные точки зрения. Одна свойственна консервативным комментаторам, которые настаивают на буквальности библейских повествований, и парадоксальным образом также и, наоборот, либеральным идеологам эгалитаристской интерпретации Библии вроде Готвальда. Что все было, как написано, был и эгалитаризм раннего израильского общества, и сопротивление пророков царской власти.

Другая парадигма, которую принято называть минималистской, предполагает, что вообще все повествования Основной Истории, Primary History, о ранней эпохе израильской истории и даже о начале царского времени, и даже об отношениях пророков и царей – это все художественная литература эпохи Второго Храма, которая отражает нам политические идеи, предпочтения этого времени и ничего не может нам сказать о том, что было на самом деле.

Вероятно, истина где-то посередине. С одной стороны, были традиции, которые прославляют монархию, так сказать, промонархические традиции. С другой стороны, были тексты, повествующие об эгалитаристской предыстории, осуждающие переход к монархическому строю, антимонархические традиции. Но эти антимонархические традиции сильнее всего отредактированы и дополнены в эпоху теократии Второго Храма.

То есть здесь не две разные перспективы, а три разные перспективы. И возможно, что именно третья перспектива в значительной степени повлияла на то, как рисуется даже и ранняя история Израиля. Очень может быть, что память о каких-то событиях эпохи судей-шофетов была аутентична, но реконструкция Золотого века теократии при Моисее и Аароне – вряд ли. Рассказы о Самуиле, Сауле, о возвышении Давида явным образом сочетают в себе какие-то древние предания с их уже позднейшей теологической, литературной, можно сказать, историософской обработкой. Насколько отредактированы и насколько дополнены – это уже предмет научного спора, и, видимо, однозначного решения мы не сможем найти.

Очень часто в Библии и, прежде всего, в Псалтири мы встречаем также и образ Бога как царя.

Один из Псалмов так начинается: «Господь – царь». 99-й Псалом.

«Пусть трепещут народы! На херувимах восседает Он; пусть дрожит земля!

Велик на Сионе Господь; над всеми народами высок.

Да восславят они Имя Твое: велико и страшно и свято Оно!

Он – могучий царь, Он справедливость любит».

Для еврейской поэзии характерна частая смена лица. «Он справедливость любит», а дальше к Нему же обращается автор псалма.

«Ты утвердил правосудие; справедливость и правду Ты творишь в стороне Иакова.

Превозносите Господа Бога нашего, поклоняйтесь к подножию ног Его: оно свято!

Моисеей и Аарон в числе священников Его, Самуил среди призывающих имя Его.

Они к Господу взывали и Он дал им ответ».

Очень важно в этом псалме, что Бог принимает на себя функции земного царя утверждать справедливость, утверждать правосудие. Можно отметить также и роль, которую в этом псалме играют Моисей, Аарон и Самуил, то есть три самые главные теократические фигуры Основной Истории сведены вместе. Эту перспективу, раз уж мы взялись иллюстрировать разные перспективы еврейской Библии новейшими гравюрами, можно проиллюстрировать таким образом.

БОГ КАК ЦАРЬ

(Видение Иезекииля)

Это видение Иезекииля. Мы видим Бога на его мистической колеснице, но с атрибутами царской власти, как, по крайней мере, представлял себе гравер, исходя из реалий своего времени.

Опять же, в этом образе, в образе Бога как царя мы, наверное, не в состоянии сказать, какие моменты здесь восходят к архаике, а какие появляются уже в эпоху теократий Второго Храма. Возможно, что здесь в образе Бога как царя какие-то образы, темы, мотивы эпохи теократии Второго Храма наслоились на более архаические вещи.

Мы говорили с вами о двух перспективах, потом увидели, что на самом деле очень важную роль играет еще и третья перспектива. Мое время подходит к концу, но доклад мой будет неполным, если не поговорим еще об одной перспективе, которая тоже важна, наложила свой отпечаток на образ царя в Библии. Перспектива связана с эсхатологией, то есть предощущением того, что мир настолько лежит во зле, что без какого-то существенного перелома ничего хорошего быть не может. Мы ждем уже чего-то хорошего не от истории, а от того, что получится после того, как история кончится.

Скажем, один из наиболее ярких, думаю, наиболее яркий памятник эсхатологического мышления – это последняя книга Нового Завета, книга «Откровение» или «Апокалипсис». Книга, которая лежит уже далеко за пределами Ветхого Завета, но при этом это логический конец одной из его траекторий.

«И увидел я новое небо и новую землю. Ибо прежнее небо и прежняя земля миновали, и моря уже нет. И услышал я громкий голос с неба, говорящий:

– Это место пребывания Бога с людьми, Он будет обитать с ними, они будут Его народом, и Он Сам будет уже Богом их. И отрет Бог всякую слезу с очей их и ни смерти не будет уже, ни плача, ни вопля, ни болезней уже не будет, ибо прежнее все прошло.

И город не имеет нужды ни в Солнце, ни в Луне для освещения своего, ибо слава Божья осветила его».

То есть начинается вообще новый эон.

Вот эта надежда на то, что начинается новый эон, особенно сильно распространяется в некоторых течениях палестинского иудаизма к началу нашей эры. От унижения, тоски, горя, отчаяния. Этот мир уже не поправить, должен начаться новый мир, с новым небом и новой землей, где не будет уже ни смерти, ни горя, ни ночи.

Но как свершится переход от мира горя к новому миру, кто будет главным действующим лицом, главным актором? Так внутри эсхатологической перспективы возникает мессианизм, разновидность эсхатологии, при которой этот перелом в истории человечества совершает некое конкретное лицо.

Еврейское משיח, арамейское Машиха – так в некоторых течениях иудаизма на рубеже эр именовался эсхатологический спаситель избранников Божьих, вот тот самый переломный момент в решающем столкновении добра и зла. В русский язык это еврейское слово пошло разными способами, но самая распространенная передача – Мессия – через латинский язык.

Древнееврейское מָשַׁח – это отглагольное существительное, от глагола מָשַׁח «возливать масло» или «помазывать маслом». В древнееврейском языке этот глагол используется почти исключительно как технический термин для описания обряда помазания маслом. Несколько раз встречается в более бытовом контексте, но в основном именно как технический термин для обряда. Обряда мазания маслом при поставлении священников и при поставлении царей. В исторических книгах Ветхого Завета слово מָשַׁח в стандартном русском переводе здесь переводится не как «мессия», а как «помазанник». Помазанниками называются цари.

Не ясно, на самом деле, совершался ли обряд помазания над всеми царями или только в определенных случаях. Эксплицитно говорится о помазании только нескольких царей – Саула, Давида, Соломона, Авессалома, Иоаса и Ииуйа. Общее у всех этих царей то, что они до помазания не имели наследственных прав на престол или имели спорный статус. Некоторые предполагают, что только в такого рода случаях для легитимации человека, не имеющего наследственных прав на престол требовался в еврейской традиции обряд помазания. Другие возражают о том, что на самом деле процедура передачи власти от царя к царю подробно рассматривается в Ветхом Завете тогда и только тогда, когда эта передача власти идет не совсем по правилам, то есть не совсем по наследству. Поэтому не нужно делать слишком большой акцент на то, что все те цари, восхождение которых на престол связано с обрядом помазания, были царями, не имеющими наследственных прав на

престол, просто про восшествие на престол других царей мы не имеем таких подробных описаний, подробных картинок.

Надо сказать, что ни в одном из текстов Ветхого Завета слово מָשִׁיחַ не встречается в таком контексте, который однозначно подразумевал бы тот смысл, который мы вкладываем сейчас в слово Мессия. А там, где мы видим в Ветхом Завете образы, которые можно было бы трактовать как мессианские, там не употребляется слово מָשִׁיחַ. Довольно забавно, что соединение вот этих двух разных вещей – слова מָשִׁיחַ (Мессия, помазанник) и представления об эсхатологическом избавителе – произойдет уже только за пределами еврейской Библии. В еврейской Библии слово מָשִׁיחַ помазанник живет само по себе, в первую очередь, чаще всего в исторических книгах относится к царям, а образ эсхатологического спасителя, который появляется в поздних книгах Ветхого Завета, с этим термином никак не связан.

К рубежу эр пророчества Ветхого Завета, в которых можно видеть какие-то эсхатологические или мессианские черты начинают пониматься однозначно как эсхатологические, вот тогда уже слово מָשִׁיחַ помазанник с его царскими ассоциациями становится термином, обозначающим эсхатологического избавителя. Но, видимо, этот рост мессианских ожиданий является реакцией на давление, угнетение сперва греческих, а затем римских властей. Естественно, не только здесь у нас, но и в других регионах и эпохах именно в эпоху тяжелых политических потрясений усиливаются эсхатологические настроения.

В некоторых текстах апокрифических, скажем, «Апокалипсис Варуха» Машиах, Мессия становится военным лидером, у которого не будет страдания. В книге Иноха Мессия был избран Богом прежде, чем был сотворен мир и будет пребывать с Богом во век, ему поклонятся все живущие на земле. Так Машиах становится титулом.

Особенно важную роль начинает играть образ Мессии в еврейской традиции во время войны с римлянами и разрушения Храма в 70 г. н.э. Видимо, как раз в это время мессианские ожидания играли большую роль в восстании иудеев против римлян. К войне это двусмысленное пророческое изречение, находящееся также в их священном писании и гласящее, что один человек из их родного края достигнет всемирного господства.

Помимо великой *[на записи неразборчиво]* с Римом, другим крупнейшим мессианским движением в Иудее, которое тоже кончилось трагически, было вспыхнувшее в 132-135 гг. н.э. восстание Бар-Кохбы. Мы видим на протяжении I в. н.э. явный рост мессианских настроений в иудаизме. Видим, скажем, в том, что в арамейском Таргуме, переводах, переложениях Библии на арамейский язык, которые восходят к началу нашей эры очень многие библейские тексты, которые явно изначально никакого мессианского значения не имели, начинают пониматься как мессианские.

В раввинистических текстах часто упоминается Мессия, сын Давидов, как царь, который освободит Израиль. Ну и, естественно, еще одна ветвь истории слова Машиах, его переводов – греческий перевод еврейского מָשִׁיחַ звучит как Христос. Это фактически этимологический поморфемный перевод,

тоже от глагола «помазывать» и это становится титулом основателя христианства.

Для нашего сегодняшнего доклада тема эсхатологии, мессианизма важна тем, что какие-то нотки будущей мессианской образности, как я уже говорил, появляются в поздних книгах Ветхого Завета, и их отголоски, может быть, можно найти в Псалмах.

Закольцовывая свой доклад, я возвращаюсь к тем же текстам, с которых вначале доклада начинал. Вот, скажем, царский псалом, который я цитировал.

«Пусть царь правит от моря до моря, от реки до краев земли.

Пусть склонятся пред ним все цари, все народы пусть служат ему».

Многие комментаторы связывают этот псалом, как я уже говорил, с допленной еврейской монархией, но, по-видимому, ни один еврейский царь в реальности так и не претендовал на империю размером до Ефрата, от реки Ефрат до краев земли. Может быть, данный псалом, пусть и коренится в образности времен еврейской монархии, но в своем теперешнем виде это уже не про царя земной династии, а про царя Мессию. И тогда датировка этого псалма должна быть не допленным временем, временем существования монархии в Израиле и Иудее, а, наоборот, уже достаточно поздним временем – эпохой формирования мессианских ожиданий в еврейской традиции.

МЕССИАНСКИЙ ИДЕАЛ

(Апокалипсис, гл. 1)

«Я возведу решение Яхве.

Так Он сказал мне: «Ты Мой сын, Я сегодня родил тебя.

Проси – отдам народы тебе во власть, во владение тебе до краев земли».

Этот псалом я тоже цитировал в начале своего доклада. И, опять же, встает вопрос, что такой размах – до краев земли, не слишком ли много для небольших царств, какими были допленная Иудея и допленный Израиль.

Ряд исследователей, комментаторов передатируют царские псалмы эпохой Второго Храма, понимая их как памятники мессианского движения. Иными словами, у нас получается в библейских текстах даже не две

перспективы царской власти: утверждение и прославление, промонархический текст, с одной стороны, с другой стороны, антимонархические тексты. И даже не три, включающие теократический идеал. Получается четыре разные перспективы, которые с разных сторон формируют, оказывают свое влияние на тексты нашего корпуса.

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ: УТВЕРЖДЕНИЕ И ПРОСЛАВЛЕНИЕ

ЦАРСКАЯ ВЛАСТЬ: ОБЛИЧЕНИЕ И ОТРИЦАНИЕ

ТЕОКРАТИЧЕСКИЙ ИДЕАЛ

МЕССИАНСКИЙ ИДЕАЛ

Причем точно также как в отношении текстов, которые проецируют на древнюю эпоху обличение и отрицание царской власти, возможно, на самом деле эти тексты как-то испытали формирование уже того отталкивания от древних монархий, что было характерно для теократий Второго Храма. Точно также возможны тексты, которые с первого взгляда кажутся текстами из мира монархий Израиля и Иудеи, утверждающих царскую власть Иерусалимского или Самарийского царя, другие тексты в значительной степени окрашены, отредактированы более поздними концепциями мессианской перспективы.

То есть получается, что у нас четыре разные перспективы встречаются в нашей традиции, в нашем тексте. Проблема в том, что эти четыре разные перспективы разных эпох, разных видений мира не лежат отдельно, каждая на своей полочке. Они смешиваются вместе в нашем историческом полотне внутри библейского корпуса. И разделить их обратно филологу, историку крайне затруднительно. Так или иначе вот эти четыре перспективы есть. И каждая из них требует какого-то типологического сравнения с другими религиозными традициями мира. Каждая из них задает какие-то типологические вопросы.

Скажем, то, с чего мы начали – Царская власть: утверждение и прославление – то, что у нас общее во многом с миром других царств Древнего Ближнего Востока, где есть сходства, где есть различия?

Очень интересный вопрос, который я задавал еще в прошлый раз Риму Маратовичу, и сегодня уже один раз упоминал – какие у нас могли быть параллели к истории возникновения царской власти из более эгалитарного

общества, и какие у нас могли быть параллели с повествованием о сопротивлении этого эгалитарного общества становлению более стратифицированной жесткой монархии.

Очень, конечно же, важные именно типологические перспективы открываются, когда мы смотрим на теократический идеал. Здесь у нас, по сути дела, впервые именно идеал теократии так ясно был сформулирован в еврейской традиции, дальше мы видим его отголоски и в исламе, и в средневековом христианстве. И, опять же, каких-то типологических сравнений требует рассмотрение иудейского мессианизма последних столетий до нашей эры.

Одна из моих любимых *[на записи неразборчиво]* мир, что это некий перекресток, где сходятся разные дороги. В данном случае сходятся как минимум четыре разные перспективы, каждая из которых имеет какие-то свои типологические параллели. И к этим типологическим параллелям, наверное, стоит адресовать какие-то вопросы сравнительного религиоведения.

Благодарю вас за внимание.

Дискуссия

Если есть какие-то вопросы, вначале, если были какие-то вопросы, заданные, как я просил, по чату, готов ответить.

Я просил Леонида Шулякова как модератора нашей встречи просмотреть, какие есть у нас в чате вопросы.

Леонид Шуляков:

– Михаил Георгиевич, я в хронологическом порядке перечислю. Первый был не вопрос, а просьба. Вы могли бы, пожалуйста, прислать в чат ту статью о египетских параллелях ко 2-му псалму, которую Вы упоминали в начале. Я, к сожалению, сам не смог это сделать. Это маленькая просьба.

А следующий вопрос был от Марии Эндель: «Можно ли сказать, что чем сильнее царь, тем слабее пророки? Что такой царь как будто является проводником божественной силы».

Михаил Селезнев:

– Смотрите, у нас здесь все, что мы говорим про мир Ветхого Завета, каждый вопрос существует одновременно на нескольких разных уровнях что ли. У нас есть уровень того, что мы видим в библейских текстах, – уровень библейской литературы. И другой уровень, до которого мы как-то пытаемся докапываться, но не совсем понятно, насколько можем до него докопаться, – это уровень того, что же там у нас происходило на самом деле. Вот поэтому любой вопрос насчет того, что там было, требует двойного ответа. Вначале – что было согласно библейскому тексту. Потом – что можем мы, если вообще что-то можем реконструировать.

Можем ли мы сказать, что чем сильнее царь, тем слабее пророки? Нет, не можем сказать, потому что у нас с точки зрения библейского

повествования, по крайней мере, такой сильный царь как Давид, сильный и, судя по библейскому портрету, по крайней мере, как политический вождь, как военный вождь, и важный для библейского нарратива, при нем такой тоже значимый пророк как пророк Нафан. Так что нет, я бы здесь, в том, что касается библейского текста, не видел, чтобы были такие "весы", что там, где чашечка царя оказывается сильнее, там чашечка пророка слабее. Нет, такой закономерности в библейском тексте нет.

Что касается реальной истории X века или IX века, чего бы то ни было еще, у нас нет возможности отвечать.

Вопрос: Может ли особо негативное отношение к северным царям быть отражением вражды с самарянами?

Михаил Селезнев:

– Да, если вы помните, когда я выводил на нашу виртуальную доску карту Израиля и Иудеи, там было Северное Израильское царство со столицей в Самарии и Южное Иудейское царство со столицей в Иерусалиме. Наследниками, в каком-то смысле слова, Северного царства стали самаряне, по крайней мере, так они сами себя считают наследниками Израиля. А наследниками Иудейского царства, Иерусалимского царства стали иерусалимские иудеи.

По-видимому, здесь вражда между севером и югом внутри этой небольшой палестинской территории была достаточно древней. По сути дела, даже в повествованиях о Давиде мы уже встречаем какие-то отголоски неприязни между северными израильскими племенами и южным племенем Иуды. Дальше мы видим постоянно на протяжении Книг Царств, совершенно справедливо сказано, особо негативное отношение к северным царям, то есть

ко всем царям отношение достаточно негативно, но к северным особенно негативно. И уже дальше мы знаем про вражду иерусалимских иудеев с самаритянами последние столетия до нашей эры, в начале нашей эры.

Может ли быть, что вот эта вражда последних столетий до нашей эры или начала нашей эры как-то дополнительно усиливала нотки враждебности, противостояния тогда, когда библейский автор описывал эпоху первой половины первого тысячелетия нашей эры? Очень может быть. Но надо сказать, что, по-видимому, отношения между монархиями Иудеи и Израиля тоже в значительной степени были иногда мирными, иногда враждебными. Я думаю, что этим рассказам мы вполне можем доверять. То есть вражда здесь была многовековая, но, может быть, уже на этапе формирования библейской литературы отношение северных колен к южным коленам и наоборот в это время немножко добавили к предшествующему.

Вопрос: А почему главный источник эпохи Персидского периода – книга Хроник – полностью игнорирует традицию Исхода и пустыни, если это для них идеал?

Михаил Селезнев:

– Тут главный вопрос заключается в том, насколько мы можем считать книгу Хроник главным источником эпохи Персидского периода. К тому же Персидский период достаточно долгий. Это эпоха Плена длится несколько десятилетий. А Персидский период начинается в 539 году и длится до Александра Македонского, то есть это два столетия, даже чуть больше. Довольно много времени для того, чтобы за это время какие-то разные школы, разные представления сменились.

Очевидно, что книга Хроник в значительной степени опирается на ту идеологию, на ту историософию, которую мы видим в Пятикнижии. Опирается, но не использует ее полностью. То есть это уже более поздний текст, который какие-то моменты, связанные со жреческой традицией Пятикнижия, с редакциями Пятикнижия использует, а какие-то нет.

Вопрос: Да, вот совершенно справедливо было сказано, какие основные аргументы в пользу того, что книга Хроник Персидского периода?

Михаил Селезнев:

– Есть работы, которые полагают датировать книгу Хроник уже эллинистическим периодом. Я не готов как-то раскладывать гирички своего мнения в ту или другую сторону. Но мне, скажем, ранний эллинистический период не кажется априори совершенно неправдоподобным.

Я бы скорее считал, что тексты Пятикнижия, жреческие тексты, рассказ-утопия про Скинию в пустыне скорее тяготеет хронологически к эпохе Плена или к раннему Персидскому времени. А книга Хроник – скорее к позднему Персидскому времени.

Вопрос: Как можно толковать в контексте сегодняшней темы слова, которые кричит толпа во дворе Пилата: "Нет у нас царя, кроме кесаря"?

Михаил Селезнев:

– Это мы затрагиваем уже немножко другую тему. У нас даже в том, что касается Ветхого Завета, очень много проблем. Безусловно, вот эти слова, которые автор Евангелия вкладывает в уста толпы "нет у нас царя, кроме кесаря", он совершенно однозначно хочет подчеркнуть, что толпа отрекается не только от каких-нибудь мессий, но отрекается и от Бога как царя. Но это

уже связано с конкретными моментами в том, как история Иисуса и распятие Иисуса описываются в Евангелиях.

Это уже все-таки другая эпоха, и там другая проблематика. Но да, конечно же, все, про что мы сейчас говорили, в том числе и идея того, что Бог есть настоящий царь, мы читали даже и псалом с этим связанный, – это является очень важным фоном для понимания того, что хотел сказать евангелист и на что хотел намекнуть.

Вопрос: В какой мере для мессианских ожиданий важно совмещение в Мессии идеального царского и священнического служения – в определенном смысле монархии и теократии? Относятся ли такие ожидания только к эсхатологической перспективе? Есть ли примеры мессианских ожиданий в других культурах и религиях, помимо иудаизма?

Михаил Селезнев:

– Как я понимаю, для той поры, когда складывается образ Мессии, скажем, последние столетия до нашей эры, речь идет именно о Мессии как о царе. Такой эсхатологический царь последних времен, который придет и восстановит справедливость.

Конечно же, поскольку и сам глагол למשוח (помазывать), и слово משיח (помазанник) связаны не только с поставлением царей, но и с поставлением жрецов, то такие ассоциации тут тоже могли появляться. Я думаю, что вот именно идея совмещения в идеальном Мессии идеального царского служения и идеального священнического служения – это более поздняя вещь, чем представление о Мессии как о царе грядущих времен.

Насчет примеров мессианских ожиданий в других культурах, религиях, помимо иудаизма, – они, несомненно, есть. Но это как раз тот вопрос, который я бы хотел задать своим коллегам.

Как я уже говорил, мне кажется очень важным, чтобы каждый доклад, который на нашем семинаре читается, превращался бы в собрание вопросов для коллег из других регионов или из других эпох. Вопросы – какие вы можете провести типологические параллели, что здесь схоже, что несхоже?

Вопрос: Любопытно, что Сатана говорит Иисусу, что ему принадлежат все царства, практически цитируя псалом.

Михаил Селезнев:

– Ну да, конечно же, это же не просто какой-нибудь языческий Сатана, это еврейский Сатана. Поэтому ему в уста вкладываются непосредственно библейские цитаты.

Вопрос: Хотел бы задать еще один вопрос отношения библейской традиции к демократии. Можно ли обнаружить в ней демократические интенции? С чем можно соотнести систему правления времен Второго Храма – с аристократией или демократией, если рассуждать в категориях "Политики" Аристотеля?

Михаил Селезнев:

– Если мы отказываемся от идеи Иосифа Флавия, что есть нечто совершенно *sui generis*, ни на что не похожее, и рассуждать в категориях "Политики" Аристотеля, то, конечно же, система правления времен Второго Храма – это скорее монархия. Первосвященник сосредотачивает в своих руках очень большую власть.

Но, и, я думаю, это очень важно было как раз для идеологии того времени, которая проводила вот это противопоставление между царем и нашей теократией, эта монархия мыслится как более ограниченная, чем нормальная царская власть Древнего Ближнего Востока. То есть первосвященник в то время действительно является фактически единоличным главою, но вот эта его единоличная власть как-то внутренне противопоставляется самой традиции власти царя.

Думаю, что здесь очень большую роль играет еще и то, что еще все-таки образ царя в религиях Древнего Ближнего Востока, в Египте в большей степени, в других странах в меньшей степени, сакрализован. Именно в традиции библейской, где достаточно последовательно производится десакрализация многих вещей, которые самоочевидно были сакральными для контекста древнеближневосточного, десакрализуется место Иерусалима важно, но все-таки мы можем жить и вне Иерусалима.

И замечательный пример, скажем, как в книге Иезекииля описывается, как слава Яхве покидает Иерусалим и переселяется вслед за переселенцами на канал Квар, где они живут в Месопотамии. Происходит десакрализация каких-то материальных сущностей. В Храме нет больше статуи, которая могла бы непосредственно олицетворять Бога или быть видимым знаком Его присутствия.

Мне кажется, что частью этой общей десакрализации разных вещей – только один Бог свят, а все остальное десакрализуется – немножко это напоминает веберовское "расколдовывание" мира частично. Вот с этим связано и противопоставление между единоличной властью первосвященника и единоличной властью царя. Единоличная власть первосвященника не носит такого, хотя, конечно, функции первосвященника

сакральны, но сам он не является сакральной персоной до такой степени, в какой является нормальный древнеближневосточный царь. Опять же, здесь, мне кажется очень важно было бы сравнить со статусом царской власти в других соседних областях Ближнего Востока. Там тоже были явно какие-то расхождения.

Вопрос: В чате был вопрос о том, как Вы датировали книгу Хроник Персидским периодом. Есть, Вы наверное знаете, труд Юлиуса Велльгаузена "Введение в историю Израиля". В нем он приводит веские аргументы, почему эта книга могла быть создана не ранее 300-го года. Там на основе генеалогии, которые приведены в книге Хроник и не отличается от генеалогии, которая в Книге Царств изложены. И вот по ним он выстраивает, как эта цепочка доходит до, как минимум, до 300-го года, а, возможно, и 250-го. Так что там можно найти это все. Я просто сейчас не вспомню, на какой странице, где это, но могу поискать, Вам потом прислать.

Михаил Селезнев:

– Спасибо Велльгаузену. Это один из моих любимых авторов. Поразительным образом мне кажется, что очень многие работы библеистов XX века устарели, а Велльгаузен, в каком-то смысле слова, не устарел, пускай даже какие-то концепции уже не рассматриваются как столь однозначно очевидные, но вот какая-то ясность в его построении всегда завораживала и поражала.

Но с тех пор много воды утекло, и по той же самой книге Хроник было много разных публикаций, то есть, скажем так, неглупые люди предлагают датировать эту книгу позднеперсидским временем. Но это отдельный совершенно вопрос.

Еще вопросы? Замечания, предложения. Для меня были бы наиболее интересны какие-то типологические параллели, если бы кто-нибудь захотел бы придумать и предложить.

Если вопросов больше нет, нам остается только поблагодарить всех участников нашей встречи и пригласить на продолжение наших встреч, которое будет у нас, я надеюсь, в январе, в конце января. Следите за объявлениями на нашем сайте вышкинском. Предположительно у нас следующие два доклада должны быть посвящены как раз проблеме религиозной санкции власти в Древней Греции и Древнем Риме. Это будет, видимо, январь-февраль.

Участник семинара:

Уважаемый Михаил Георгиевич, подскажите, пожалуйста, вопрос, наверное, немного не относящийся к теме, но тоже касающийся библейской проблематики. Клайв Льюис предлагает уникальный взгляд на боговдохновенное Священное Писание, который позже получил название либерально-евангелического, где он говорит, что Ветхий Завет – это миф, который постепенно становится историей. И из этого выводит некоторые богословские и прагматические для христианской жизни следствия. И очень хотелось бы узнать, как Вы относитесь к подобному подходу в таком преломлении практическом.

Михаил Селезнев:

– Вы знаете, формулировка «миф, который становится историей» мне очень нравится, потому что это, в общем-то, для того мифы, особенно *foundation myth*, и появляется в человеческих культурах, что они дальше начинают восприниматься как какое-то историческое полотно, которое объясняет нам, кто мы, откуда мы, куда мы идем.

Я просто задумался над тем, что Вы имели в виду, над тем, что имел в виду Льюис. Насколько был бы Льюис доволен моим ответом. Может быть, нет. Потому что, как я понимаю, Льюис имел в виду, что вот это свойство «миф, который становится историей» характерно только для библейских текстов. На мой взгляд, это общее свойство мифов в тех случаях, когда они по-настоящему прорастают в ткань соответствующего народа, соответствующей истории.

У одного из наших участников есть не параллель, а меридиан к моему докладу. Это мне очень интересно.

Михаил Бойцов:

Да, спасибо большое, Михаил Георгиевич, за возможность этот самый меридиан Вам продемонстрировать, хотя, возможно, Вы знаете о его существовании. Но я смотрю из своей эпохи, из эпохи Средневековья. И есть очень любопытное сочинение, это Козьма Пражский, который рассказывает историю, раннюю историю Чехии. И, в частности, у него есть хрестоматийные сюжеты про Либуше и про Пржмысле, которые цитирует любой экскурсовод туристической группе. Но экскурсовод не замечает, что там воспроизводится как раз история с появлением первых библейских царей. Эта легенда совершенно в этом же ключе выдержана. Козьма Пражский очень критически

относится к князьям как своего собственного XII века, так и всех предшествующих столетий. Он, будучи каноником пражского собора, испытывает некоторые сложности во взаимоотношениях с этим самым актуальным князем, а также с теми, о которых он помнит. И он выстраивает эту традицию плохой княжеской власти в принципе. Которой тоже «он будет забирать ваших сыновей, он будет забирать ваших дочерей», – говорит Либуше, которая является судьей и дочерью судьи.

То есть у нас есть эпоха судей, которая потом сменяется эпохой князей. И не просто сменяется, а вот недовольные в Чехии говорят: «Нам нужен царь, нам нужен князь». Либуше объясняет, как это будет нехорошо, но если вы так очень хотите вот в это рабство идти, я вам своего одного знакомого в качестве первого царя, первого князя и предложу.

Это сплошные парафразы так или иначе со своим таким творческим подходом и творческой переработкой. Ну, в частности, элемент творчества состоит в том, что вместо Самуила у нас женщина, мудрая вещунья, у нее сестры-ведьмы, сестры-колдуньи имеются. Но сам по себе этот феминистический заход очень тоже занятен и своеобразен. Никаких ссылок, разумеется, в данном случае, на Писание прямых не следует, но видно, как вот выстраивается модель генезиса княжеской власти по той модели, которая у авторов была перед глазами в библейском тексте.

Михаил Селезнев:

– Спасибо. А почему Вы сказали, что это меридиан? Это, мне кажется, параллель, правда, так сказать, параллель вторичная. Потому что,

действительно, судя по тому, как Вы рассказываете, явно, что это автор именно библейский нарратив перерабатывал.

Михаил Бойцов:

– Ну поэтому я и говорю, что это нечто параллельно независимое и, в то же время, сходным образом вырастает, развивается, является вариацией, возникающей на основе этого литературного произведения, воспринимающееся как литературное произведение. Но само по себе любопытно, конечно, насколько смело и творчески он это осмысляет, перерабатывает, задается сходными вопросами, откуда есть пошла эта самая довольно гнусная княжеская власть. Никакой идеализации, и дальше тоже в его рассказе этой идеализации нет. И вот он развивает эту самую антицарскую, если угодно, антикняжескую, в его случае, линию, но не то, что надо всем восставать против нее, не то, что это сплошная несправедливость, а то, что царская, княжеская власть без несправедливости невозможна, и она изначально на несправедливости построена.

Был Золотой век, когда было все по-другому. И вот это, конечно, не параллель в том смысле, что потом, позже, через многие-многие столетия рассматривается при помощи того же самого интеллектуального инструментария, рассматривается собственно актуальная ситуации и в соответствующем, похожем обрамлении и в похожих формах осмысляется и описывается.

Михаил Селезнев:

– Спасибо. Мне тоже приходило в голову, что, может быть, вот к этой истории о становлении монархии из более эгалитарного общества, что когда-то было описано, мы, по крайней мере, в нашем европейско-ближневосточном регионе скорее найдем что-то схожее не в мире Древнего Ближнего Востока и Античности, а скорее в мире Средневековья.

Вдруг вспомнился, скажем эпизод с чашей в Суассоне. Тоже происходит упрочение царской власти франков и протест со стороны рядового дружинника, что это нарушает наши древние права. Причем здесь, в отличие от чешского случая, о котором Вы говорите, я не думаю, чтобы Хлодвиг или тот парень, что разбил чашу в Суассоне, читал Библию и как-то пытался бы вдохновляться эгалитарной проповедью ветхозаветных пророков.

В большей степени получается именно такие типологические параллели без каких-то генетических связей.

Михаил Бойцов:

– Библейский текст представляет собой, разумеется, не спонтанную реакцию на сегодняшнюю ситуацию, как в случае с суассонской чашей или как нам ее пытается представить, по крайней мере, рассказчик, а тоже в ретроспективном осмыслении, конструировании прошлого, разумеется, и конструировании в соответствии с сегодняшними ценностями. Здесь есть в случае с Хлодвигом какой-то элемент, если не синхронной фиксации, то, по крайней мере, традиции довольно близкой, всего несколько десятилетий проходит между эпизодом гипотетически возможным и записью этого эпизода. А здесь у нас свободная интеллектуальная игра, так или иначе, наверное. Как и в случае с Козьмой Пражским, который, правда, играет на

основе уже сыгранной партии. Он делает для этой партии свою собственную аранжировку.

Михаил Селезнев:

– Да, я как раз так и хотел построить свой доклад, что мы, когда пытаемся всматриваться, мы видим вначале одну традицию, другую традицию... Ага, вот мы видим здесь две разные перспективы. Потом всматриваемся, на самом деле у нас их не две, а три. Смотрим – на самом деле не три, а четыре. Эти более поздние перспективы явно могут модифицировать то, что первое бросается в голову, когда мы сталкиваемся с теми древними вещами.

Это как раз специфика, действительно, нашей библейской тематики. Что у нас в одном произведении фантастически много слоев наложились друг на друга, их очень сложно друг от друга отделить. Да, это некоторым образом игра, которая заняла много столетий, – формирование этого текста.

Спасибо всем, кто задавал вопросы, выступал, приводил параллели и меридианы. И тогда, наверное, остается нам попрощаться.

До встречи.